

Т. В. Филоненко

ПЕРВАЯ ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА В РОССИИ

До 80-х гг. XVIII в. единообразная школьная система в России отсутствовала. Отсутствовало единое школьное законодательство, управление, финансирование, не было четкого деления учебных заведений по типам и уровням, и сам учебный процесс не отличался какой-либо системностью. Не было ни классов, ни уроков, не было программ, планов, учебного года, расписания, стандартных учебников и т.д. Ученики приходили в школу и уходили из школы в любое время года; определенные сроки поступления, обучения и окончания школы отсутствовали. Каждый ученик учился сам по себе, отдельно от других; точно так же каждый предмет изучали от начала до конца, потом брались за другой, третий и т.д. Обучение в одной школе отличалось от обучения в другой, даже однотипной; более того, каждый учитель учил по-своему, тому, что сам знал и умел, применяя те пособия, которые оказывались у него под рукой, или не применяя никаких вовсе. Немногочисленные существовавшие с начала петровских преобразований светские школы имели сословно-профессиональный характер, а главное, все существовали сами по себе, независимо от других; можно сказать, что в России этого времени были школы, но не было школьной системы.

Впервые попытка создания целостной школьной системы в Российской империи была предпринята Екатериной II, решившей взять за образец австрийскую школу и пригласившей в качестве консультанта известного сербского просветителя и деятеля народного образования Ф. Я. Янковича де Мириево. В 1782 г. была создана Комиссия об учреждении училищ во главе с сенатором П. В. Завадовским, которая разработала план единой общегосударственной школьной системы. По утвержденному в 1786 г. Уставу народных училищ в губернских городах учреждались главные, а в уездных – малые народные училища, соответственно, с 4-х и 2-летней программами обучения. Вводилась классно-урочная система, единообразные планы и методики обучения. Дети всех сословий обучались по одним программам. Однако содержать эти школы должны были местные общества (только главные народные училища содержались на средства Приказа общественного призрения); таким образом, этот первый опыт создания школьной системы в России отличался своей половинчатостью и незавершенностью.

Возникновение первой настоящей государственной школьной системы в России произошло только в начале XIX в. в правление императора Александра I. Эта система была создана в 1802–1804 гг. в результате законодательного проведения ряда преобразований, первым из которых стало учреждение в 1802 г. Министерства народного просвещения. В разработанном М. М. Сперанским "Общем учреждении министерств" функции МНП определялись так: "Министерство народного просвещения ведает все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовные, военные и те училища, кои особенно учреждены для образования юношества к отдельной какой-либо части управления, как-то: Горный корпус и другие сему подобные установления, кои, находясь в особенном ведомстве, сохраняют однако же в делах общих нужную связь и сношение с министром просвещения"¹. Министерство действовало в составе Канцелярии, Департамента народного просвещения и Главного управления училищ; в период 1817–1824 гг. МНП было слито с Управлением всеми вероисповеданиями в единое Министерство духовных дел и народного просвещения; в том же 1817 г. в структуре министерства появился Ученый комитет, ведавший учебниками и учебными пособиями. Первым министром народного просвещения стал бывший начальник екатерининской Комиссии об учреждении народных училищ граф П. В. Завадовский. Создание особого министерства для управления народным образованием было очень значительным шагом, так как до этого высшее руководство школой осуществлялось временным учреждением, предназначавшимся специально для открытия школ, в провинции же школы подчинялись губернским властям и финансировались приказами общественного призрения, т.е. фактически не имели ни своего управления, ни своего бюджета.

Подготовка образовательной реформы происходила в рамках созданного Александром I Негласного комитета; инициаторами стали бывший воспитатель императора Ф. Ц. Лагарп и граф П. А. Строганов. Лагарп выступал за создание министерства просвещения и организацию сельских школ, Строганов указывал на необходимость четкого разграничения между общеобразовательной и профессиональной школой; исходным же прототипом новой школьной системы послужил проект устройства училищ во Франции, с которым выступил в 1792 г. во французском Конвенте Кондорсе (дело в том, что воспитателем Строганова, вместе с которым он в 1787–1790 гг. находился во Франции, где даже вступил в члены Якобинского клуба, был Ш. Ж. Ромм², ко-

торый, в свою очередь, редактировал проект Кондорсе). Кондорсе предлагал создать четырехступенчатую систему образовательных учреждений: четырехлетнюю начальную школу (с весьма обширной программой) для поселений с количеством жителей от 400 чел., трехлетнюю "вторичную" школу для каждого округа и города с населением от 4000 чел., "институт" для департаментов и крупных городов и "лицей" с университетским курсом. Понятно, что столь масштабный проект в оригинальном варианте никак не мог быть реализован в российских условиях; кроме того, хотя он и подразумевал преемственность обучения в школах разных уровней, каждая из них предназначалась для определенных сословий³, а Александр I и его окружение в это время придерживались взгляда о необходимости бессословной (точнее – всесословной) школы, какой она в целом и была со времен екатерининской реформы. В Негласном комитете высказывались мнения, что "не все то удобно вводить у нас, что хорошо за границей; что у нас необходимо изменить многое из того, что существует во Франции, что у нас есть старинные учреждения, к которым следует применяться при организации новых"⁴; соответственно, при сохранении некоторых основных идей проекта Кондорсе был выработан свой, более подходивший к условиям времени и места проект.

В 1803 г. были утверждены "Предварительные правила народного просвещения", в которых, прежде всего, указывалось, что "народное просвещение в Российской империи составляет особенную государственную часть, вверенную министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главных училищ Правлением"⁵; в следующем, 1804 г., были введены в действие университетский и школьный уставы. Согласно этим документам, устройство управления народным образованием выглядело следующим образом: члены Главного правления училищ одновременно исполняли обязанности попечителей учебных округов, число которых равнялось шести. В каждом учебном округе должен был быть открыт университет, становившийся высшей административной инстанцией по отношению ко всем подведомственным ему учебным заведениям; в Москве, Вильно и Дерпте университеты уже имелись, а в трех других округах их еще предстояло создать, и на роль университетских центров были намечены Санкт-Петербург, Казань и Харьков. Главной функцией университетов по отношению к нижестоящим учебным заведениям была подготовка учительского персонала: при каждом университете организуется учительский или педагогический институт, куда

поступают казеннокоштные студенты (получающие государственную стипендию), которые после окончания курса обязаны отработать (прослужить) учителями не менее шести лет. Задача подготовки учительского персонала признавалась первоочередной, поэтому вновь учрежденные университеты представляли собой фактически педагогические институты: так, в Петербурге на основе старой учительской семинарии в 1804 г. был учрежден именно Педагогический институт, переименованный затем в 1816 г. в Главный педагогический институт и только в 1819 г. преобразованный в Санкт-Петербургский университет (при этом продолжал существовать Главный педагогический институт). В Казани в том же году был учрежден университет, базой для которого стала основанная еще в 1758 г. Казанская гимназия, преобразованная затем в Главное народное училище, а позднее — снова в гимназию; здесь первые несколько лет 4/5 студентов также являлись казенными стипендиатами, готовившимися стать учителями, так что университет мало чем отличался от учительского института (а точнее, от гимназии, которая была отделена от университета только в 1815 г.). Готовили учителей для средней школы и другие университеты; в свою очередь, в гимназиях готовились учителя для начальных школ.

В ведении университета находились учебные заведения начального, повышенного начального и среднего образования. Изданный в ноябре 1804 г. школьный устав так и назывался — “Устав учебных заведений, подведомых Университетам”, и первые его пункты гласили буквально следующее: “1. Учебные заведения, подведомые Университетам, суть: Гимназии, уездные, приходские и другие, под каким бы то ни было названием, Училища и Пансионы, находящиеся в Губерниях, к каждому университету причисленных. 2. Из сего исключаются Училища, состоящие в ведении Святейшего Синода, и те, которые по особенным обстоятельствам Высочайше вверены иному Начальству”⁶. Административная система строилась так, что директор гимназии подчинялся университету, смотритель уездного училища — директору гимназии; приходские училища в казенных селениях “надзирались” приходским священником и одним из “почетных жителей”, в помещичьих — либо самими помещиками, либо их доверенными лицами, при этом начальник приходского училища в помещичьем селении по хозяйственной части зависел от помещика, по учебной — от смотрителя уездного училища, а начальник приходского училища в казенном селении — непосредственно от смотрителя уездного училища. Директор гимназии

избирался университетом, представлялся попечителем в Главное правление училищ и утверждался в должности министром. Функции и полномочия директора гимназии определялись так, что он "непосредственно зависит от Университета", и в то же время "имея в непосредственном ведении своем Гимназию и все училища и пансионы в губернском городе, прочими уездными, приходскими и другими Училищами в губернии... управляет посредством Смотрителей уездных и начальства приходских и других Училищ". Возлагались на него и инспекторские функции: он следил, чтобы в подведомственных школах, включая частные пансионы, обучение вели учителя только с официальными свидетельствами и по утвержденным учебникам, должен был посещать в целях контроля каждое губернское училище раз в две недели, при этом "сверх того он обязан хотя один раз в год объехать подведомственные ему Училища по всей губернии". В свою очередь, смотритель уездного училища определялся университетом по представлению директора гимназии; в Уставе указывалось, что "Смотритель уездных Училищ по делам оных зависит от Директора Гимназии. Пребывая в губернском, либо уездном городе, имеет в непосредственном ведении уездные и приходские того города Училища; а посредством начальства приходских сельских Училищ, управляет оными в своем уезде". Точно так же смотритель уездного училища исполнял инспекционные функции — был обязан посещать городские приходские училища раз в две недели, а находящиеся в уезде — три раза в год⁷. Таким образом, административное устройство было весьма четко продумано, при этом казна не тратилась на содержание отдельного штата управленцев и контролеров разных уровней, возложив и те, и другие функции непосредственно на руководство самих учебных заведений.

Школьная сеть определялась следующими положениями: во-первых, "В каждом губернском городе должна быть одна Гимназия. Может быть и более оных в губернском или других городах, ежели есть способы к содержанию таковых заведений"; во-вторых, "в каждом губернском и уездном городе должно быть по крайней мере одно уездное Училище, в больших же городах по два таковых Училищ и более, если будут к содержанию оных способы"; в-третьих, "в губернских и уездных городах, равным образом и в селениях каждый церковный приход или два вместе, судя по числу прихожан и отдалению их жительств, должны иметь по крайней мере одно приходское Училище"⁸.

Предназначение каждого типа определялось так: "Приходские

Училища учреждаются для двоякой цели: 1) Чтобы приуготовить юношество для уездных Училищ, если родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение; 2) чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физическом и нравственном отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия которых столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию"; "Цель учреждения уездных Училищ есть следующая: 1) Приуготовить юношество для Гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) Открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности"; "Учреждение Гимназий имеет двоякую цель: 1) приготовление к Университетским наукам юношества, которое по склонности к оным, или по званию своему, требующему дальнейших познаний, пожелает усовершенствовать себя в Университетах; 2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в Университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека"⁹.

Таким образом, каждая ступень обучения могла стать конечной, но для того, чтобы перейти с одной ступени на другую, необходимо было пройти предшествующую, сдав выпускные экзамены (открытые испытания) и получив соответствующий аттестат (были и годовые экзамены, на которых степень подготовленности ученика оценивалась определенным количеством шаров, называвшихся по-французски *balle* — "балл"; отсюда и возникло понятие "баллотировать", что в данной ситуации означало оценивать успехи в "баллах"). Впрочем, можно было учиться и дома или в частном пансионе, однако для поступления необходимо было сдать вступительные экзамены за курс школы предшествующей ступени. Устав по этому поводу гласил: "Ни один ученик не должен быть принят в уездное Училище, если он не обучался в приходском или другом каком Училище и не представил Смотрителю аттестата от начальства приходского Училища о его успехах в учении и о добропорядочном поведении. Учившийся дома или в пансионе до принятия его подвергается испытанию Учителей уездного Училища...". То же самое касалось и гимназии: "Поелику ни один ученик не должен быть принят в Гимназию, если он не учился в каком-нибудь уездном Училище всему тому, чему в оном обучают, то всякий ученик, вступающий в Гимназию, должен прежде представить Директору

аттестат от Смотрителя и Учителей уездного Училища о своих успехах в учении и о добропорядочном поведении. Учившийся в другом Училище или дома не может быть принят иначе в Гимназию, как по испытании Учителями Гимназии..."¹⁰. Так что для того чтобы добраться до университета, нужно было проучиться, переходя из одной в другую, в трех разных школах, переезжая при этом из села — в уездный город, из уездного города — в губернский, и затем из губернского — в университетский город; эта особенность новой школьной системы была, конечно, не очень привлекательной. Зато принципиально важным было то, что в школы всех ступеней принимались ученики вне зависимости от их пола, сословной принадлежности и даже возраста (Устав предусматривал, что "в приходские Училища принимаются всякого состояния дети без разбору пола и лет"), а обучение было бесплатным (в Уставе, опять же, специально оговаривалось: "Учитель, всех приходящих в класс учиться его предметам, должен обучать, не требуя от них никакой платы за учение; при самом же учении не должен пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что он приготовляет членов обществу")¹¹.

Курс гимназии был рассчитан на четыре года, уездного училища — на два года, приходского училища — на один год; полный курс школьного образования был рассчитан, таким образом, на семь лет. За счет того, что срок обучения по сравнению с главными народными училищами был увеличен почти вдвое, значительно расширились учебные программы (здесь также за образец был взят проект Кондорсе). Так, программа элементарной школы выглядела следующим образом: "В сих Училищах обучают чтению, письму и первым действиям Арифметики, главным началам Закона Божия и нравов, читают с объяснением книгу: "Краткое наставление о сельском домоводстве, произведении природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья"; при этом курс мог быть и расширен — "в приходских Училищах может быть умножено число предметов учения, если то позволят доходы оного".

В уездных училищах преподавались: "1) Закон Божий и Священная история; 2) Должности человека и гражданина; 3) Российская грамматика, а в тех Губерниях, где в употреблении другой язык, сверх Грамматики Российской, Грамматика местного языка; 4) Чистописание; 5) Правописание; 6) Правила слога; 7) Всеобщая География и начальные правила Математической Географии; 8) География Российского Государства; 9) Всеобщая

история; 10) Российская История; 11) Арифметика; 12) Начальные правила Геометрии; 13) Начальные правила Физики и Естественной Истории; 14) Начальные правила Технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности; 15) Рисование". Кроме того, для тех учеников, которые готовились к продолжению образования в гимназии, преподавались латинский и немецкий языки, а Устав добавлял к этому, что "в уездных Училищах с позволения начальства может быть умножено число учебных предметов и Учителей, когда есть довольные к тому способы".

Наконец, учебная программа гимназии определялась так: "Кроме полных курсов: Латинского, Немецкого и Французского языков, преподается в Гимназиях дополнительный курс Географии и Истории, включая в сию последнюю науку Мифологию (Баснословие) и Древности, курс Статистики общей и частной Российского Государства, начальный курс Философии и Изящных наук, начальные основания Политической Экономии, курс Математики Чистой и Прикладной, курс Опытной Физики и Естественной Истории; также начальные основания наук, относящихся до торговли, основания Технологии и рисование"; кроме того, указывалось, что "Гимназия может также содержать Учителей танцевания, музыки и телесных упражнений (Гимнастики), если то позволяют доходы оной"¹².

Программа, таким образом, была более чем обширной: в двухклассном уездном училище ученикам, по сути дела, начальной школы преподавали 17 (!) предметов, а еще могли быть и дополнительные (платные) курсы. При этом в приходском училище, кроме обычных предметов, читалось нечто вроде природоведения, в уездном — обществоведение, а в гимназии — целый набор университетских курсов: политэкономия, статистика, философия, эстетика. Естественно, что нагрузка как на учителя, так и на учащегося была очень велика, и никаких послаблений в этом отношении не допускалось. Учителя приходских училищ обязаны были "оканчивать учебные предметы в течение одного года, хотя бы по множеству учеников принуждены были разделить класс свой на 2 отделения"; причем этот годовой курс проходил в течение полугода, так как, по Уставу, "учение в приходских училищах, начиная от окончания полевых работ, продолжается до начала оных в следующем году". Ученики приходской школы занимались по три часа в день, и если класс делился на два отделения, учитель работал по 6 часов — с 8 до 11 и с 13 до 16 часов, шесть дней в неделю, а по воскресень-

ям и праздникам ему следовало по часу преподавать катехизис и священную историю для обоих отделений¹³. Учительская нагрузка, таким образом, могла достигать 37 часов в неделю; правда, работал он 6–7 месяцев в году, а остальное время оставалось свободным.

В штате уездного училища состояло два учителя и мог быть еще учитель рисования — в том случае, если этот предмет не мог вести один из штатных учителей. Здесь ученики занимались по 28 часов в неделю, 6 дней, кроме воскресений и праздников, с 9 до 12 и с 2 до 4 или с 2 до 5 часов (в зависимости от дня недели). При этом учебный год равнялся 11 месяцам — с 1 августа до 1 июля; за это время учителю надо было проработать (также по 28 часов в неделю, а если он вел еще и рисование — 30 часов), а ученикам проучиться около 1700 часов¹⁴. Наконец, в гимназии учебный год был точно такой же продолжительности, учились здесь тоже по 6 дней в неделю, но дневная нагрузка была выше — с 8 до 12 и с 14 до 16 или с 8 до 11 и с 13 до 15 часов в разные дни недели, всего 30 часов в неделю (это если еще не было гимнастики, танцев и музыки и других дополнительных предметов; так, в Воронежской гимназии, кроме перечисленных в уставе предметов, преподавались и другие, для чего были открыты (на платной основе) экономический, танцевальный и повторительный классы и было еще введено изучение греческого языка¹⁵). Учителей по гимназическому штату было 8, работали они, в зависимости от преподаваемых дисциплин, от 16 до 20 часов в неделю (кроме учителя рисования — у того было 4 часа в неделю)¹⁶.

Таким образом, о возрастной физиологии и т.п. вещах речь не шла: ученик приходской школы — т.е. современный первоклассник занимался по 19 часов в неделю 6 месяцев в году, на следующий год в уездном училище, т.е. во втором классе, ему уже надо было заниматься по 28 часов в неделю в течение 11 месяцев, а поступив через два года в гимназию, он занимался уже по 30 (и более) часов в неделю, причем эта нагрузка оставалась неизменной и во всех старших классах.

С другой стороны, Устав 1804 г. внес в учебный процесс и многие прогрессивные черты. Прежде всего, устанавливался единый список учебников, соответствующих курсу каждого класса; в уездных училищах, помимо учебников, должны были быть таблицы, карты, глобусы и пр. В гимназиях неимущим ученикам книги выдавались бесплатно; каждая гимназия должна была быть оснащена целым набором разнообразного учебного инвен-

таря, наглядных пособий и т.д. По уставу, кроме учебников, "в каждой Гимназии должны быть: 1) Библиотека, избранная из разных известнейших классических Авторы и лучших ученых творений иностранных и Российских, наипаче относящихся до учебных предметов, преподаваемых в Гимназии. 2) Собрание географических карт, глобусов и армиллярных сфер с небольшим атласом древней Географии, для употребления Учителя, толкующего Латинских классиков, и для Учителя Истории и Географии. 3) Собрание естественных вещей из всех трех царств природы, потребных к изъяснению и наглядному познанию Естественной Истории, особливо ж всех естественных произведений той Губернии, в коей Гимназия находится. 4) Собрание чертежей и моделей машин, наиболее употребляемых к изъяснению Механики и других частей Прикладной Математики и Технологии. 5) Собрание геометрических тел, геодезических орудий, астролэбий, компасов и прочее. 6) Собрание орудий физических"¹⁷.

Таким образом, утверждался принцип наглядности обучения, в программы были введены элементы краеведения, предусматривалось знакомство с основами технологии, изучались как философия и классические авторы, так и современное состояние мировой и отечественной экономики, проходились один древний и два новых языка: набор предметов нельзя не признать всесторонним и достаточно гармоничным. Кроме того, большое значение придавалось соединению теоретического и практического обучения, сочетанию вербальных приемов с наглядными демонстрациями: "Дабы лучше соединить теорию с практикою и дать ученикам ясное понятие о многих предметах, которые проходили они в классах, Учители, преподающие Математику, Естественную Историю и Технологию, должны с более успевающими из своих учеников ходить во время вакации за город; сие послужит тем ученикам некоторого рода награждением. Учитель Математики приобщает учеников к главнейшим действиям Практической Геометрии и показывает им в сих прогулках различные роды мельниц, гидравлических машин и других механических предметов, если оные находятся в окрестностях того места, где состоит Гимназия. Учитель Естественной Истории и Технологии собирает травы, различные роды земель, камней и изъясняет их свойства и отличительные признаки. В зимнее время сей же Учитель с частью своих учеников осматривает в городе фабрики, мануфактуры и мастерские художников, дабы предметы, которые он преподает по сей части, объяснить практикою: ибо ри-

сунки и описания не могут дать ясного и достаточного о том понятия"¹⁸.

Наконец, в Уставе ясно и определенно говорилось, что цель школьного обучения заключается не в механическом усвоении некой суммы знаний, а в развитии личности учащегося, воспитании у него желания и выработке умения получать знания самостоятельно. Эта концепция активного развивающего обучения ясно выражена в 41-й статье Устава 1804 г., которая гласит: "При наставлении всех учащихся, а особливо возрастных, Учитель должен стараться более об образовании и изощрении рассудка их, нежели о наполнении и упражнении памяти, не теряя из виду главного предмета юношеского наставления, состоящего в том, чтобы приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам, которая, по выходе их из училища, заставила бы их пещись о дальнейшем усовершеннии себя; показывать им путь к наукам, дать почувствовать цену оных и употребление, и чрез то сделать их способными ко всякому званию"¹⁹.

Эти черты школьной системы, утвержденной Уставом 1804 г., нельзя не признать в высокой степени передовыми: это была первая достаточно серьезно разработанная либеральная концепция школы.

Тем не менее, оставалась одна серьезная проблема: как обеспечить школу учениками и учителями, как сделать так, чтобы ученики последовательно проходили все ступени обучения, а учителя имели стимул не только вести весьма значительную нагрузку, но еще и устраивать экскурсии, писать ежемесячные отчеты "о способностях, прилежании, успехах и поведении всех учеников каждого класса, в особенности отмечая предметы учения, которые он проходил в течение прошедшего месяца", в первое воскресенье (именно в воскресенье) каждого месяца являться на педсовет, а сверх того вести подробнейшую училищную статистику, "Исторические, Метеорологические, Топографические и Статистические записки о Губерниях, включая в оные сведения о земледелии, времени посева и жатвы, о свойствах земли, употребляемых при земледелии орудиях и других предметах, потребных к точному познанию общего хозяйства", причем "описание сие продолжать ежегодно, и приготавливая за каждый год к 1-му числу Генваря"²⁰.

Что касается учительского персонала, то проблема комплектации школьного штата решалась за счет казеннокоштных студентов университетов, которые за получение казенной стипендии обязывались отработать не менее 6 лет в учительском звании.

Кроме приличного жалования (так, смотритель уездного училища, назначавшийся, как правило, из учителей гимназии или уездного же училища, получал 300 руб., учитель – 250 руб., при этом и тот, и другой могли получать еще по 75 руб. за ведение дополнительных предметов; квартира, отопление и освещение были казенными²¹), учитель получал возможность повысить свой социальный статус путем чинопроизводства. Уже при зачислении в университет студент получал шпагу, а по окончании производился в первый обер-офицерский чин; учителя уездного училища состояли в XII классе (губернский секретарь) Табели о рангах (учитель рисования – в XIV, т.е. коллежский регистратор), смотрители уездных училищ – в IX классе (титularный советник), гимназический учитель рисования состоял в XII классе, учителя языков (“младшие”) – в X классе (коллежский секретарь), учителя наук (“старшие”) – в IX классе (титularный советник), директор гимназии – в VII классе (надворный советник)²². Как известно, чин XIV класса в статской службе давал личное дворянство, чин VIII класса (коллежский асессор) – потомственное дворянство, со всеми соответствующими правами и привилегиями, главным из которых было право владеть крепостными крестьянами. При этом устав 1804 г. предусматривал, что учителя приходских училищ “поступают в уездные училища Учителями, если имеют к тому потребные сведения и не состоят в духовном звании”, “учители уездных Училищ могут поступать в Учители Гимназий, при открытии ваканций”, а “Учители Гимназий могут поступать на праздные места Адъюнктов в Университетах”²³. Чин университетского адъюнкта был уже в VIII классе и давал его обладателю потомственное дворянство со всеми вытекающими из этого последствиями. Таким образом, любой человек, если он не был крепостным и не принадлежал к духовному званию, в принципе мог подняться по предоставляемой учительской службой чиновной лестнице вплоть до чина, обеспечивающего получение потомственного дворянства. Впрочем, и личное дворянство, приобретаемое поступлением на учительскую службу (учителя приходских училищ свободного состояния, т.е. не бывшие крепостными, определялись в XIV классе наравне с учителями рисования уездных училищ; по крайней мере, так обстояло дело уже в 1835 г., когда был издан указ “О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V класса включительно”²⁴), давало его обладателю массу преимуществ и пожизненно причисляло его к благородному сословию. (По Жалованной грамоте дворянству “Буде дед, отец и сын

имели чины, приносящие личное дворянство, то потомству их дозволяется просить дворянства действительного", а "Буде отец и сын имели чины, приносящие личное дворянство, и пребывали двадцать лет в службе беспорочно, то внуку дозволяется просить дворянства действительного"²⁵; таким образом, какой-нибудь учитель-долгожитель мог в принципе увидеть своего внука потомственным дворянином).

Что же касается учащихся, то побудить их оканчивать, одно за другим, приходское училище, уездное училище и гимназию и не бросать школу, получив то количество знаний и умений, которое, по мнению самого ученика, а главное — его родителей, было вполне достаточным для практической жизни, было сложнее. Ситуация в этом отношении по сравнению с предшествующими временами совершенно не изменилась: так, пермское училищное начальство сообщало, что "чиновники более достаточные спешат поскорее пристроить своих детей к должности, не столько для получения жалованья, сколько для ранней заслуги чинов; а бедные и матери сирот часто безвремени детей своих отвлекают от учения, с тем чтобы снискать пособие в хозяйстве а иногда и самое пропитание". Из Валдая писали: "Родители учащихся I, а особенно II класса просят, дабы детей их обучать токмо чтению и чистописанию, отнюдь не занимая никаковыми предметами, положенными в уставе, потому что не признают оных для своих детей нужными, объявляя притом, что, в противном случае, они не будут пускать их в училище, и доказывающие сие самим делом"²⁶; и так было сплошь и рядом.

В этих условиях, когда подавляющее большинство тогдашнего российского среднего класса видело задачей школы лишь обучение элементарным навыкам чтения, письма и счета, движимое просветительскими идеями правительство решило прибегнуть к принудительным мерам. В "Предварительных правилах народного просвещения" 1803 г. указывалось, что "ни в какой губернии спустя пять лет после устройства училищной части никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или даже частном училище"²⁷. И действительно, спустя пять лет после принятия Устава 1804 г. был издан закон от 6 августа 1809 г., в котором, исходя из того, что "все части государственного служения требуют сведущих исполнителей, и чем далее будет отлагается твердое и отечественное образование юношества, тем недостаток впоследствии будет ощутительнее"²⁸, было установлено, что к производству в чины коллежского асессора (VIII класс,

дававший потомственное дворянство) и статского советника (V класс — первый генеральский чин) допускались только лица с университетским дипломом либо сдавшие соответствующие экзамены за университетский курс. Чтобы поступить в университет, надо было пройти всю лестницу "приходское училище — уездное училище — гимназия". В свою очередь, чтобы ученики не бросали школу, когда им это заблагорассудится и чтобы тем самым не растрчивались впустую казенные средства, Устав четко постановлял: "Ученики обязаны не прежде оставить училище, как пройдя все классы наук, в оном преподаваемых. Оставляющие училища прежде сего не получают аттестата о своих успехах в учении"; даже относительно приходских школ говорилось, что "желательно и полезно было бы, чтобы ни один ученик не оставлял Училища прежде, нежели хорошо научится всему, в оном Училище преподаваемому"²⁹.

Разница тона этих высказываний объяснялась тем, что гимназии и уездные училища казна брала на свое содержание (система народного образования в лице Министерства народного просвещения тем самым впервые получила собственный бюджет), в то время как приходские школы из министерского бюджета не финансировались и их заведение и содержание возлагалось на средства городов, помещиков и сельских общин. Последние, понятно, не горели особым желанием тратить на это деньги: помещикам, за редкими исключениями, казалось странной сама мысль обучать на свои средства своих же крепостных, а сельские общества (государственные крестьяне) точно так же, как и за два десятка лет до этого, не видели проку от самого школьного учения в принципе. Соответственно, число приходских училищ по Уставу 1804 г. было довольно незначительным, причем многие уже открытые начальные школы со временем закрывались и из-за отсутствия средств, и из-за отсутствия учеников. Так, в Воронежской губернии с 1804 г. по 1828 г. было открыто всего 11 приходских училищ, из которых 4 уже успели закрыться по указанной причине, примером чего служит название предложения, внесенного в 1819 г. попечителем Харьковского учебного округа в училищный комитет университета: "Об уничтожении Бобровского приходского училища за неотдачею в оное тамошними жителями детей своих". Соответственно, на 1828 г. в губернии насчитывалось 19 школ: гимназия (75 мальчиков), три пансиона (25 мальчиков, 27 девочек), 8 уездных училищ (497 мальчиков, 6 девочек) и всего 7 приходских училищ (395 мальчиков, 6 девочек)³⁰. Такая же ситуация была и по всей

стране: так, в Новгородской губернии в 1806 г. было открыто сразу 100 школ (приходских священников просто обязали бесплатно учить детей у себя на дому), но через два года ни одной школы не осталось; в Олонецкой губернии было открыто 20 приходских училищ, в Архангельской — 9, но к 1819 г. и там, и там все до единой школы были уже закрыты. В дальнейшем приходские училища существовали в основном в слободах, заштатных и уездных городах; собственно в селах и деревнях их было очень и очень мало.

Впрочем, не лучшим образом обстояло дело также с гимназиями и уездными училищами, которые имелись далеко не во всех губернских и уездных городах. По первоначальным расчетам, содержание 4 университетов, 42 гимназий и 405 уездных училищ должно было обходиться в 1 319 450 руб. в год. Это составляло 1,08 % расходной части бюджета на 1804 г., равнявшегося 122 млн. руб.; для сравнения: на армию и флот в этом году было израсходовано 53 млн. руб., т.е. 43,4 %. Войны, которые вела Россия в составе антинаполеоновских коалиций (а также синхронные персидские и турецкие), поглощали огромные средства: на армию и флот в 1812 г. было израсходовано 184 млн. руб. (из бюджета в 342 млн. руб., т.е. 53,8 %), в 1813 г. — 285 млн. (из бюджета в 423 млн. руб., т.е. 67,4 %), всего же военные кампании 1812–1814 гг. обошлись в 926 млн. руб. Между тем и предшествующие десятилетия отнюдь не были мирными: менее чем за два десятка лет с момента создания первой школьной системы при Екатерине II до создания второй школьной системы при Александре I Россия воевала с Турцией, Швецией, Польшей, Персией и Францией, так что к началу XIX в. сумма государственного долга уже равнялась четырем годовым бюджетам страны, а ассигнационный курс рубля упал до 66,3 коп. (серебром). Войны последующих двух десятилетий потребовали еще больше денег, новых внутренних и внешних займов (только в 1820–1822 гг. в Лондоне, Амстердаме и Париже российское правительство получило займов на 58,5 млн. руб. серебром, что по тогдашнему курсу составляло 222,3 руб. ассигнациями), так что курс ассигнационного рубля в 1814–1815 гг. составлял всего 20 коп. серебром³¹. Понятно, что в этих условиях правительству было не до школы, тем более что реальные расходы на нее оказались много выше первоначального плана; спустя двадцать лет после введения в действие Устава 1804 г. количество уездных училищ и даже гимназий все еще не достигало установленной нормы.

К 1801 г. в великорусских губерниях насчитывалось 31 главное народное училище с 4456 учениками и 160 малых народных училищ с 9144 учениками, всего 191 училище с 13 600 учениками. Кроме того, существовали и общеобразовательные школы других типов — гимназии, частные пансионы, где обучались в основном дворянские дети (на 1801 г. насчитывалось 48 пансионов с 169 учителями и 1125 учениками), инородческие (миссионерские) школы и пр. Всего в стране на 1800 г. насчитывалось 315 школ с 790 учителями и 19 915 учениками (из них 1787 девочек — 9,0 %); с 1782 по 1800 г. во всех школах империи прошли обучение 176 730 чел. (из них девочек — 12 595, т.е. 7,1 %) ³². Население империи на 1800 г. равнялось 39 178 048 чел. об.п. ³³ (к цифре V ревизии 1795 г. мы прибавили ежегодный средний прирост, вычисленный делением прироста населения между V и VI ревизиями и умножением результата на соответствующее количество лет); соответственно, одна школа приходилась на 124 375 чел., один учитель — на 49 592 чел., один учащийся — на 1967 чел. (один ученик — на 2161 чел. обоих полов и на 1081 чел. муж. пола, одна ученица — на 21 924 чел. обоих полов и на 10 962 чел. жен. пола). В целом количество учащихся в школах всех типов, как государственных, так и частных, составляло лишь 0,05 % от населения страны — показатель даже для той эпохи крайне незначительный.

К 1825 г. в Российской империи по ведомству Министерства народного просвещения числилось 418 школ (включая приходские училища), 69 из которых существовали еще со времен Екатерины II и Павла I ³⁴. Таким образом, за четверть века, количество государственных школ увеличилось в 2,2 раза; одна школа приходилась теперь на 115 643 чел. обоих полов, в то время как в начале века — на 205 121 чел. Прогресс, следовательно, был налицо, однако не очень значительный; даже если взять все светские и церковные учебные заведения на конец первой четверти XIX в. (в синодальном ведомстве на 1824 г. числились 4 духовные академии, 39 семинарий, 128 уездных и 170 приходских училищ с 45 551 учащимся ³⁵), количество учащихся в них не превышало 115 тыс. чел. ³⁶, так что один учащийся приходился на 420 человек населения обоих полов; в целом, и светские, и духовные учебные заведения посещало в это время 0,24 % населения страны.

Таким образом, в количественном отношении для развития народного образования созданная при Александре I первая государственная школьная система в России дала не очень много.

Однако в качественном отношении этот опыт был крайне важен: все последующие школьные системы (1828 г., 1864 г., 1871 г.) в дореволюционной России создавались в соответствии со структурной моделью, впервые реализованной в 1804 г., поэтому историческое значение первой общегосударственной школьной системы следует признать принципиально важным.

¹ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. С. 93.

² Федорченко В. И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск, 2000. Т. 2. С. 405.

³ Ге Ф. История образования и воспитания. М., 1912. С. 477–479; Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 86–87.

⁴ Константинов Н. А., Струминский В. Я. Указ. соч. С. 87.

⁵ Цит. по: Милкоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2. С. 281.

⁶ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1802–1825. СПб., 1864. Т. I. Стб. 301.

⁷ Там же. Стб. 318–329.

⁸ Там же. Стб. 302, 322, 330.

⁹ Там же. Стб. 330, 323, 302.

¹⁰ Там же. Стб. 317, 326.

¹¹ Там же. Стб. 310, 331.

¹² Там же. Стб. 302, 303, 323, 330.

¹³ Там же. Стб. 331–332.

¹⁴ Там же. Стб. 323–325.

¹⁵ Пыльнев Ю. В., Рогачев С. А. История школы и народного просвещения Воронежского края. XVIII – начало XX века. Воронеж, 1999. С. 83.

¹⁶ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. I. Стб. 302–307.

¹⁷ Там же. Стб. 308–309.

¹⁸ Там же. Стб. 307–308.

¹⁹ Там же. Стб. 311.

²⁰ Там же. Стб. 310–316.

²¹ Пыльнев Ю. В., Рогачев С. А. Указ. соч. С. 87–91.

²² Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. I. Стб. 302, 303, 323, 324.

²³ Там же. Стб. 314, 326, 332.

²⁴ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1864. Т. II. Отд. I. 1825–1839. Штаты и Приложения. С. 36; Шепелев Л. Е. Титулы, мундир, ордена. Л., 1991. С. 124.

²⁵ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1987. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 52.

²⁶ Цит. по: Милкоков П. Н. Указ. соч. С. 291.

²⁷ Цит. по: Милкоков П. Н. Указ. соч. С. 283.

²⁸ Цит. по: Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 120.

²⁹ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. I. Стб. 316, 331.

³⁰ Пильнев Ю. В., Рогачев С. А. Указ. соч. С. 96–100, 491.

³¹ Милоков П. Н. Указ. соч. Т. 2, ч. 2. С. 283; Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 37; Хромов П. А. Очерки экономики докапиталистической России. М., 1988. С. 309–310.

³² Милоков П. Н. Указ. соч. Т. 2, ч. 2. С. 271–276; Константинов Н. А., Струминский В. Я. Указ. соч. С. 78; Очерки русской культуры XVIII века. Часть вторая. М., 1987. С. 275–279; Всеобщее обучение и земство. СПб., 1910. С. 4; Каллаш В. В. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902. С. 67–161.

³³ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 5.

³⁴ Милоков П. Н. Указ. соч. Т. 2, ч. 2. С. 320–321; Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. С. 96.

³⁵ Русское православие: Веки истории. М., 1989. С. 322.

³⁶ Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 года. Л., 1967. С. 248.